

Оливия Штерн

КОРОЛЕВСКАЯ ГОНЧАЯ
СТРАЖ ЕЕ СЕРДЦА
ИЗБРАННАЯ И БЕГЛЕЦ
МОЙ ХОЗЯИН ДРАКОН
ОРАКУЛ ВЫБИРАЕТ КОРОЛЕВУ

ПРОЛОГ

На пороге стояла женщина, совершенно неуместная здесь, в городе срединного яруса. Как будто яркая экзотическая птичка случайно залетела в темную и мрачную пещеру и теперь недоуменно крутила головкой, соображая: как же я, такая пестрая, с изумрудными крылышками, и оказалась в такой липкой промозглой тьме?

Наверное, она откуда-нибудь со светлой стороны этого мира, успела подумать Леона. Возможно, даже бывает при дворе...

Птичка шмыгнула покрасневшим аристократическим носиком, еще раз смерила Леону удивленным взглядом и спросила:

— Вы... некромант?

Леона вздохнула. Стоило бы, конечно, отправить эту льессу восвояси, потому что, как показывала практика, все они приходили сюда только с одной целью. Но деньги были нужны. Чтобы исчезнуть и не отсвечивать на королевском ярусе, как изволил выразиться муж, и чтобы при этом достойно жить в Середине. Поэтому Леона шагнула в сторону, пропуская гостью внутрь, и ответила:

— У вас верные сведения, льесса. Прошу.

Леона шла первой. Ей не нужно было оглядываться, чтобы представить выражение лица незваной гостьи. Сколько их здесь побывало? Несколько десятков точно, таких вот ярких птичек. Все морщили носики, презрительно рассматривали убогую обстановку мансарды и наверняка задавались

вопросом, почему при таких-то расценках на свои услуги льесса некромант не переедет куда-нибудь повыше, где солнце бывает чаще, где по осени цветут яркие хризантемы, а весной первая зелень расцвечена алыми тюльпанами. Мысленно Леона соглашалась с ними, что — да, пожалуй, она могла бы переехать. Могла бы даже туда, где раскинулись личные владения Вечной королевы, но... Ей очень хорошо объяснили, что женщине с таким даром совершенно нечего делать рядом с приличными людьми вроде маркиза Риквейла. Так хорошо, что до сих пор на погоду ныли когда-то сломанные ребра. Именно поэтому Леона предпочитала сидеть на ярусе, где солнце бывает от силы три часа в день и все продукты везут сверху, потому что здесь ничего не растет. Лучше так, чем потом ее найдут в канаве с перерезанным горлом.

Леона вошла в комнату, отгороженную от прочего пространства мансарды фанерной стенкой. Здесь получилась то ли гостиная, то ли рабочий кабинет — в общем, именно здесь она принимала всех, кому требовались услуги некроманта. Оглянувшись на гостью, Леона заметила сморщенный носик и все те же недоумевающие взгляды: женщина разглядывала простенькие обои, несколько аляповатых картинок, которые Леона развесила на стенах только оттого, что напоминали они о светлых ярусах, где все имеет цвет. Леона села за стол, положила перед собой руки.

— Присаживайтесь, не стойте. Как вас зовут?

В гостиной горела пара газовых фонарей, было сумрачно, но все же лучше, чем на улице. Снаружи все блекло, сыро, ночь или сумерки, и только по утрам и вечерам, когда солнце обходит ярусы по срезу, косые лучи света скользят, торопливо выхватывая из сумрака темные кирпичные стены, пыль на дорогах, жалкую растительность, что скудными пучками пробивается то тут, то там.

Женщина-птичка растерянно заморгала. Было видно, что ей очень не хочется говорить свое имя, и это было понятно. Леоне, в сущности, было плевать, как зовут эту льессу. Просто надо же как-то обращаться к человеку.

— Феломена, — наконец отважилась посетительница. Она достала кружевной платочек, богато вышитый по краю, и демонстративно промокнула уголки глаз. Глаза, кстати, Леоне понравились. Были они яркие, синие, и в них горели отблески света и был даже намек на некую внутреннюю чистоту, что нынче вообще редкость.

— Вы правда некромант? — несмело спросила Феломена. Оглядела кабинет и с легкой ноткой недоумения добавила: — Такая крошечная квартирка...

— А вы ожидали, что некроманты живут во дворцах? — Леона хмыкнула. Все-таки свет в глазах еще не гарантировал наличие мозгов и такта.

— Нет-нет, простите! — Феломена смущенно потупилась. — Мне дала ваш адрес аббатиса Керво.

— Какое у вас дело?

Феломена принялась рыться в маленькой дамской сумочке из нежного голубого бархата, с кружевом. Пришла она в плаще, но теперь было видно, что под грубой серой тканью дорогое платье, тоже голубое, и по корсажу белые бантики и жемчужное шитье, перемежаемое изящными мотивами из золотой канители. Леона усмехнулась. Прошло несколько лет с того момента, как она щеголяла подобными нарядами при дворе, а надо же, до сих пор цепляет. Но если так одеваться в Середине, будут косо смотреть, а то еще и ограбят. Там, где почти не бывает солнца, не любят таких вот веселых и пестрых птичек. В том, что Феломена аристократка, сомнений почти не осталось. Красивое личико, руки, никогда не знавшие работы, кружева и бархат. Интересно, она знакома с маркизом Риквейлом?

— Вот! — Наконец Феломена извлекла из сумочки старую курительную трубку и положила ее на край стола. — Видите ли, в чем дело... Мой свекор на днях скончался.

— И что? — Леона откинулась на спинку стула. Все то же. Ничего новенького. Скукота.

— Он ненавидел меня! — с отчаянием в голосе мяукнула Феломена и некрасиво скривилась. — Из-за того, что Филипп на мне женился, он грозился лишить его наследства.

Однако завещания не оставил. А Филипп... Он знал, что у отца в сейфе были фамильные драгоценности. Сейф вскрыли, а там — пусто!

Разволновавшись, Феломена покраснела, начала отчаянно жестикулировать. Ее тщательно завитые каштановые локоны, свисающие словно уши спаниеля, забавно болтались из стороны в сторону.

— Двести королевских крон, — сказала Леона.

— Хорошо, — мгновенно согласилась Феломена. — Нам нужно узнать, куда делись драгоценности.

— Вы это узнаете, — кивнула Леона, — половину суммы вперед.

Глядя, как алчно заблестели глаза Феломены, Леона думала о том, что, возможно, вся эта история сплошное вранье. И, возможно, дела обстояли совсем не так, как это представила несчастная невестка. Возможно, свекор припрятал сокровища от сыночка, который мог все спустить за вечер, проведенный за картежным столом. Или даже сама Феломена никакая не невестка, а, допустим, любовница умершего и хочет просто урвать кусок пожирнее. Но теперь это уже не имело значения. Щурясь на блестящие в свете газового фонаря монеты, Леона прикидывала, откуда будет сподручнее отправиться в меморум, чтобы выловить отпечаток умершего свекра и таким образом узнать судьбу сокровищ.

Вдруг Феломена как будто насторожилась. Глянула подозрительно, прикусила губу.

— А как вы гарантируете, что я узнаю правду? Что не вы заберете себе драгоценности?

— Через три дня, — сказала Леона, — вы придете сюда еще раз. Сами спросите у вашего почившего родственника, где он припрятал драгоценности.

И, наслаждаясь видом вытаращенных глаз и приоткрытого рта, добавила:

— Его отпечаток будет вот в такой колбе, — постучала ногтем по тонкому стеклу, — я его даже касаться не буду. Если бы я собирала на себя все гадости ушедших, уже сошла бы с ума.

Глава 1

ЛЕДИ НЕКРОМАНТ

...Последнее было чистой правдой. Если случайно поймать на незащищенную кожу чей-нибудь отпечаток — один из тех, что свободно плавают в меморуме, — он впитается, сольется с твоей памятью и гадкие сны на ближайший месяц обеспечены. Все это не смертельно, с течением времени отпечатки рассыпаются, растворяются, как сахар в кипятке, и все, что составляло память умершего, перемешивается с памятью всех предыдущих поколений и становится нечитаемым. Так перегнивают опавшие листья. Так все то, что когда-то принадлежало жившим, уходит в прошлое.

Феломена давно удалилась, пискнув напоследок, что очень надеется, рассчитывает, да и вообще, некромант — это последняя надежда. К подобным вещам быстро привыкаешь, и Леона пропускала мимо ушей все эти причитания. Аккуратно приоткрыв плотные шторы, она проследила за тем, как к вышедшей из подъезда аристократке присоединился темный мужской силуэт. Они помедлили, о чем-то переговариваясь, а затем растворились в липких густых сумерках срединного яруса. Леона вздохнула с облегчением. Ей все казалось, что ее муж кого-нибудь подошлет, чтобы на самом деле избавиться от неуютной жены. Но нет, пока все было спокойно. Сколько продлится этот мертвый штиль, Леона не знала.

Вернувшись в гостиную, она снова села за стол, потом аккуратно, через бумажную салфетку взяла трубку и подвинула ее к себе. Плохо, что Феломена хватала ее руками, а до

Феломены, небось, еще и ее муж или любовник. Чем больше людей касается предмета, тем тяжелее настраивать компас и, соответственно, труднее разыскать нужный отпечаток.

Леона прикрыла глаза. В голову снова лезли совершенно ненужные мысли — о том, что был бы маркиз Риквейл нормальным человеком, они бы поладили и жили бы припеваючи неподалеку от дворца Вечной королевы. Там, где солнце встает и заходит и светит весь день. Там, где много зелени и где можно без опаски прогуливаться по парку, вдыхать аромат свежескошенной травы, чувствовать прохладу родника, слышать, как перекликаются в кустах птицы... О том, что, возможно, она сама во всем виновата, потому что не нужно было выходить замуж за этого человека. Но замуж хотелось. Она была так юна и наивна, а Риквейл так красиво ухаживал. Их брак, конечно, многие сочли мезальянсом, потому что Леона была последней из захудалого рода Кьеннов, но Риквейлу было плевать на любые досужие разговоры, кроме... кроме того, что молодая жена окажется дипломированным некромантом. Скрыла. Уже зная перед свадьбой о невероятной чистоте крови Риквейлов от какой-либо магии, но все равно скрыла. Сама виновата.

Так больно было думать обо всем этом даже теперь. Но маркиз был красивым и молодым, Леоне так льстило его внимание, что она убедила себя в том, что влюблена. Их хрустальная сказка разбилась через три года после брака, когда Риквейл по чистой случайности нашел старую переписку жены с наставником, известным на королевском ярусе мэтром некромантии. И хвала небесам, что у них так и не родился ребенок, потому что будь это так, Леона вообще не представляла бы, как жить дальше.

Ну вот. Еще чуть-чуть, и она расплатится. Не хватало еще слез накапать в идеально уравновешенную октаграмму заклинания, начертанную цветными мелками прямо на столешнице. Там и одной слезинки хватит, чтобы все испортить.

Затаив дыхание, Леона мерной трубочкой капнула в вершины октаграммы положенные в таком случае ингредиенты: настойку на сушеных лапках летучей мыши, концентрированный уксус, розмариновое масло. Затем поводила над октаграммой рукой. С пальцев срывались невесомые частицы силы, туманом оседали на линиях начерченной фигуры. Октаграмма начала неторопливо и словно бы нехотя наливать тьмой. Линии, оставленные цветными мелками, поблекли, затем и вовсе пропали, чтобы через несколько мгновений сверкнуть аспидной чернотой поверх ореховой столешницы.

— Так, прекрасно, — пробормотала Леона.

Иногда, создавая заклинания, она разговаривала сама с собой, потому что хотелось разбить стеклянную тишину и пустоту квартиры.

Стараясь не делать лишних движений, чтобы, упаси боже, не нарушить равновесие активированных ингредиентов, Леона взяла в руки компас и поднесла его к центру октаграммы, туда, где покоилась старая и потертая курительная трубка. Над начертанной фигурой начал собираться серый с перламутровым отливом туман и, поднимаясь легким облачком, окутал компас.

Компас был старым, испытанным и принадлежал наставнику. Он мало походил на компас, которым пользуются мореходы. Простая стеклянная полусфера на латунной подложке, никаких стрелок.

«Возьми, деточка, на память. Ни разу меня не подводил, и тебе будет служить исправно», — вот что сказал Леоне старый наставник, когда она, получив диплом, возвращалась домой.

Леона уже и не знала, жив ли он, ее дорогой мэтр Флорье.

Но в одном старик оказался прав, компас не подвел еще ни разу.

Туман, окутавший компас, сделался густым, словно дым от подгоревшего на сковородке кушанья. Руки наливались

тяжестью, начинали подрагивать. Леона стиснула зубы: нельзя, нельзя шевелиться, иначе все насмарку и придется начинать сначала.

Пф-ф! С легким вздохом туман втянулся под стеклянную полусферу и там за клубился. Иной раз казалось, что внутри то и дело поблескивают крошечные молнии, как будто там, под толстой линзой, собрались грозовые тучи.

Леона откинулась на спинку стула и поставила перед собой наполненный компас.

Завтра утром она отправится в меморум. Завтра. Не потому, что слишком устала сегодня, а потому, что за годы, проведенные в одиночестве на срединном ярусе, привыкла делать все последовательно и не торопясь.

Ее всегда будил рассвет.

Солнце, выкатываясь из Тени, медленно поднимается вверх, словно просматривая все ярусы, все пласты нависших друг над другом земель. До того, как воцарится над верхним королевским ярусом, мельком и с пренебрежением взглянет на каждый из них. И вот этот скользящий взгляд дневного светила обязательно попадет прямо в окно спальни Леоны, бесцеремонно сверкнет прямо в закрытые веки, а затем поползет дальше, в угол спальни, чтобы через полтора часа погаснуть, затерявшись среди верхних ярусов.

Леона сжалась в комок под одеялом. Всю ночь снилось что-то тяжелое и кровавое. Ей казалось, что она убегает от чудовища и ноги вязнут в мокром песке. И сколько ни оглядывайся, никого не видно. Только страшная ломаная тень, в которой клубится багровая тьма.

Почему так холодно? Дрова в камине только-только прогорели, угли алеют сквозь белесую завесу пепла. Одеяло толстое, пуховое. И все равно она мерзнет каждую ночь. То ли не хватает мужчины в постели, то ли те, кто родился наверху, просто не переносят Середину. Страшно даже подумать, что творится в самом низу, там, куда и солнце-то не за-

глядывает и неба не видеть, а только изнанки нависших сверху других ярусов.

Вздохнув, Леона выбралась из-под одеяла, сунула ноги в растоптанные мягкие туфли и побрела умыться. Она спала в толстых шерстяных носках, которые можно натянуть до самых колен, а все равно мерзла. Дрянь эти серединные ярусы, как есть дрянь.

Некромант зарабатывает достаточно, чтобы если не жить, то хотя бы существовать достойно. Леона в память о былых прекрасных днях обустроила свою ванную комнату. Это оказалось непросто, но она справилась, заплатив втридорога нанятым строителям. И вот теперь могла насладиться и теплой водой из латунного крана, и фаянсовым умывальником, и даже такой роскошью, как унитаз.

Поставив свечу на полку, Леона покрутила вентиль и несколько минут держала руки под струей теплой воды. Определенно, она никогда не привыкнет к сумрачной Середине. Руки мерзнут, ноги. Да и вся она... Постоянная темень словно выпивает тепло.

Из плохонького зеркала на Леону уныло смотрела блондинка. Леона, не сдержавшись, фыркнула. От жизни в потемках в ней самой даже красок стало как будто меньше. Раньше — чудесные светлые волосы с золотистым отливом, теперь — невнятная солома из-под чепца. Губы сочные, яркие были. Превратились в скорбно сжатые бледные полоски, да еще и морщинки в уголках рта. Цветом глаз, редким оттенком морской волны, восхищался ее бывший муж, маркиз Риквейл. Называл их «парой самых лучших изумрудов». Глаза потемнели и поблекли. И под ними теперь вечные синяки, как от недосыпа. В общем, тот еще вид. Хотя, может быть, она сама виновата. Запустила себя. Красотой нужно заниматься. А для кого? Здесь, в Середине, все тусклые, одинаковые, и мужчины и женщины, и никому не интересно, как ты выглядишь, все только и думают, как бы заработать да отправиться куда-нибудь ближе к солнцу. Только вот не понимают, что там их тоже никто не ждет.

Леона, хмуро глядя на свое отражение, быстро умылась и вышла. Наверное, ей тоже надо собрать деньжат и уехать куда-нибудь повыше. Но вот беда — драгоценный супруг дал понять, что в ее же интересах больше никогда не появляться там, где ее могли узнать.

«Я бы тебя убил, да жаль», — вот что он ей сказал. Милосердная сволочь.

И Леона исчезла. И поэтому до сих пор жива.

Так, размышляя понемногу о том о сем, Леона одевалась. Рубашка с длинным рукавом, мужские штаны и куртка — свободная одежда, чтобы не сковывала движений. Удобные башмаки. Перчатки. Шею — а потом и голову — обмотать платком, да так, чтобы никакой бесхозный отпечаток не забился за шиворот.

В небольшую поясную сумку Леона положила флягу с водой, заряженный компас и колбы с пробками. В карман штанов — миниатюрный фонарик, купленный у одного пиromanта еще на королевском ярусе. И обязательно регенерирующий перстень, тяжелый и массивный. Его делали явно на мужскую руку, на Леоне он болтался, и поэтому она его носила на большом пальце.

Вот и все. Можно было выходить. Подумав немного, Леона все-таки прихватила несколько мелких монеток. Еды у нее не водилось, а лезть в меморум на голодный желудок было не лучшей идеей.

Когда Леона впервые сошла на мостовую Люция с откидных ступенек дилижанса, первой ее мыслью было — да как здесь жить-то можно? Даже крылатые плантосы, что тащили дилижанс, аккуратно пролетая сквозь расщелины между парящими землями, всем своим видом показывали, как им не нравится без света. Плантосы ежились, закрывались крыльями и выпускали сквозь темную влажную кору толстые шипы. Им было непривычно без солнца, без нормального неба над головой. А сам город словно в насмешку был назван Люцием — кажется, здесь повсюду клубилась тьма.

Газовые фонари, что зажигают днем и ночью, лишь делали мрак гуще. Он казался осязаемым, льнул к коже мерзкими липкими языками. Леона тогда задрала голову в попытке увидеть хотя бы клочок привычного неба... И взгляд уперся в черноту, лишь далеко, у горизонта, подсвеченную золотистым. Прямо над Люцием вольготно расположилось жирное брюхо верхнего яруса, и Леоне даже показалось, что она видит беспомощно свисающие корни деревьев. Их угораздило пробраться сквозь толщу грунта и вылезти с изнанки той земли, на которой деревья росли. Все это сентиментальная чепуха конечно же. Но, ступив на мостовую Люция, она в самом деле не понимала, как здесь возможно само существование людей.

Потом оказалось, что ко всему можно привыкнуть. И что на срединных ярусах тоже живут обычные люди — не такие, конечно, богатые и вовсе не такие красивые, как на верхнем королевском ярусе, но все же. Неподалеку от Люция оказалась действующая шахта, где добывали сапфиры. Поэтому и город был совсем небедным, и продукты сюда привозили не самые плохие. Ну а то, что солнце было видно лишь утром и вечером, к этому как-то постепенно привыкаешь. Тяжело, болезненно, но привыкаешь...

Леона шагала по мостовой. Мимо двухэтажных домов из темного кирпича, притиснутых друг к другу так плотно, что порой между стенами и руки не просунуть. Мимо фонарных столбов и фонарщиков-пиромантов. Тусклое свечение газа в закопченных стеклянных колбах едва-едва освещало улицу. Дело шло к полудню. И в полдень в Люции было особенно темно, потому что солнце находилось в это время как раз над верхним ярусом и дарило свет и тепло тем счастливицам, кто мог себе позволить жить наверху.

Шла она к знакомому пустырю. Там недавно снесли ветхий дом, новый возводить никто не торопился, и поэтому за плотным забором находился изрядный кусок замусоренной земли, с которой, как ни крути, гораздо удобнее нырять в меморум — и соседи хозяйке не нажалуются и подглядывать

будут разве что крысы. Особенно Леону радовало отсутствие зевак и вообще желающих приобщиться к современной некромантии. Не то чтобы в Люции ненавидели некромантов — наверное, сложно найти того, кто бы ненавидел их больше, чем ее бывший муж, — но всегда оставалось нездоровое любопытство и твердое убеждение в том, что некромант — это непременно хмурый мужик, который выкапывает разлагающиеся тела и заставляет их выполнять какие-то немудреные задания.

Разумеется, и такие некроманты были.

Но современная некромантия уже давно не рассматривала телесное в качестве объекта исследований. Последние пятьдесят лет было модным работать с бестелесным, а именно с отпечатками умерших, хранящими воспоминания, собранные при жизни и составляющие сущность человека. Единственным неприятным и опасным занятием для некроманта оставались походы в меморум, но тут уж ничего не поделаешь.

Примерно на полпути к цели своего похода Леона остановилась перед булочной. Пощупала сквозь ткань кармана монеты, а затем вошла. Весело звякнул колокольчик, Леона с наслаждением потянула носом — пахло свежей выпечкой, корицей, лимонной цедрой. На витрине красовались ватрушки, маленькие пирожки и очень большие круглые пироги. Пышные хлеба, длинные багеты, пухлые крендели, присыпанные дроблеными солеными орешками.

Уютно здесь было, гораздо приятнее, чем снаружи. И казалось даже, что газовые фонари здесь светят куда веселее и ярче.

Тем временем из смежной комнаты выплыла румяная девушка, огненно-рыжая, с толстыми косичками, уложенными в бублики по сторонам лица. У нее была бледная кожа, большие, чуть навывкате, голубые глаза и курносый нос пуговкой. Губы улыбались — впрочем, как и всегда. Девушка эта — так уж получилось — была единственной подругой Леоны в этом темном городе.

— А, это ты! — Улыбка Златы стала еще шире, превращаясь из дежурной в настоящую, радостную. — Что будешь? Я только-только кофе сварила.

— Буду! — Леона осторожно оперлась локтями на край витрины, чтобы не задеть румяный бок пирога с мясом. — Кофе буду. И пирожок с лимонным желе буду. И с вишней.

Она покопалась в кармане, выудила деньги и звякнула ими о керамическую тарелочку, которая именно для этой цели и стояла на витрине.

Злата окинула Леону беглым взглядом, покачала головой.

— Ты опять туда собралась?

— А что делать? — Леона усмехнулась. — Город дорогой. Хочешь жить хорошо, еще и не туда полезешь.

Злата давно знала о том, чем именно занимается Леона Кьенн, но удивительно, слово «некромант» ее не испугало. Наоборот, она то и дело просила, чтобы Леона за чашкой кофе рассказала о каком-нибудь интересном случае из практики. И Леона решила, что Злата с превеликим удовольствием поменялась бы с ней местами. Но беда в том, что родители Златы были пекарями, и у самой Златы не было магии в крови, поэтому выбора у нее особенно и не оказалось. Пеки себе да торгуй булками. А Злате наверняка хотелось чего-нибудь этакого: полететь на другие ярусы, вырастить своего плантоса, спуститься на нем в самую Тень... Да мало ли какие приключения можно себе вообразить! Но такова жизнь. Стой себе, торгуй сдобой.

Злата вынесла круглобокую кружку, всю в разводах синей глазури, и в булочной запахло еще лучше. Леона обхватила керамические бока пальцами, наслаждаясь теплом, вдыхая аромат дорогого кофе. Тем временем Злата положила на тарелку два пирожка, с лимонным желе и вишней, а сама уселась на стул и подперла круглый подбородок ладонью.

— Кого теперь ловить собралась?

— Какого-то старика, который спрятал от семьи сокровища. — Леона откусила пирожок и даже зажмурилась от удовольствия. — Златушка, ты — богиня!

— Да что там! — махнула рукой подруга. — Расскажи лучше, что тебе принесли, чтобы ты нашла, ну, это...

— Отпечаток. Курительную трубку мне принесли.

— Как-то даже не интересно, — вздохнула Злата.

Леона согласилась. Да, как-то скучно. Вот в прошлый раз ей приносили панталоны утонувшей герцогини, которая очень хорошо спрятала завещание, а так как была довольно стара, то забыла, куда именно. А еще ей приносили накладные ягодицы, дырявый носок и дневник куртизанки. Да чего только не приносили... Тут Леона поймала себя на мысли, что она могла бы основать свою школу некромантии, собрать учеников и совершенствоваться в магических изысканиях. Вот было бы здорово! Но тут же одернула себя. Школа всегда подразумевает публичность. А ее супруг был очень настойчив, когда просил ее исчезнуть. Весьма настойчив, до сих пор ребра побаливают.

— Какая-то ты бледная, — сказала Злата, — тебе бы мужчину надо. Ко мне льесс Торн захаживает. Между прочим, младший сын какого-то там виконта. Сюда приехал заниматься добычей сапфиров. Хочешь, познакомлю?

— Зачем? — Леона устало отмахнулась. — Одни проблемы от всех этих виконтов.

— Ты могла бы выйти замуж, — заметила Злата.

О том, что она и без того замужем и что развестись не велит храмовое уложение о браке, Леона предпочитала помалкивать. А потому поморщилась.

— Замуж... Это ж начнется — дети, сопли, пеленки. Не хочу.

Ложь далась ей очень легко.

На самом деле Леоне очень хотелось и детей, и даже сопливых детей, и пеленок. Но не задалось. И вряд ли что получится. Может, конечно, это и маркиз был виноват в том, что у них так никто и не родился. Она ничего не знала о существ-

вовании бастардов. А может быть, как говаривали, у магов с этим все сложнее. Может случиться так, что некроманту непременно подавай мага жизни. А где его найдешь, когда они так редки? Не объявление же вешать, в конце концов.

— Ну, я пойду, — пробормотала Леона. — Деньги любят, когда их зарабатывают.

— Иди, — согласилась подруга, — но что-то ты мне сегодня не нравишься. Постарайся вернуться.

— Постараюсь.

Снова звякнул дверной колокольчик, на этот раз жалобно, и Леона опять оказалась на улице. Свет фонарей терялся в густом тумане, который привалил неведомо откуда. Она подняла воротник мужской куртки, поправила платок и заторопилась дальше.

Пустырь был зажат меж двумя старыми домами, закопченными, с трещинами по фасаду, покрытому штукатуркой. Так уж получилось, что эти двухэтажные стариканы все еще держались, а вот третьего развалили хозяева, потому что крыша провалилась и дом дал такую трещину, что фасад попросту начал падать наружу. Непонятно, что было тому виной — то ли чрезмерно мягкий грунт, то ли слабый фундамент. Лично для Леоны было важно то, что, считай, посреди города образовалось укромное местечко, мало кому интересное, и там можно было поработать.

Она без приключений добралась до высокого забора. К счастью, здесь, у пустыря, фонари не зажигали, была темень, да еще и с густым туманом. Леона огляделась, а потом быстро сдвинула в сторону доску и протиснулась внутрь. Подошвы башмаков тут же утонули в рыхлой и липкой земле, на первом же шаге она споткнулась о гнилой обломок доски. Участок все еще был завален строительным мусором, и, когда его разберут, непонятно. Наверное, когда соберутся строить что-то новое. Леона вытащила из кармана фонарик, щелкнула переключателем, и под хрустальным колпачком засветилось заключенное туда заклинание. Фонарик давал

неяркий свет, не больше чем на два шага вперед, но этого было достаточно, чтобы не пропороть ногу старым гвоздем, чтобы не зацепиться за торчащие огрызки фундамента и чтобы потом, перешагнув фундамент, не свалиться в яму, которая осталась после того, как содрали и увезли деревянный пол.

Так подсвечивая себе, Леона перешагнула через камни, затем, аккуратно перепрыгивая через оставшиеся доски, добралась до расчищенной ею же ровной площадки. Поставив на землю фонарик, взяла припрятанный здесь железный прут и принялась вычерчивать классическую декаграмму.

Чтобы попасть в меморум, не нужны были ни специальные ингредиенты, ни материализация заклинаний. Только линии, символы и личная магия некроманта. Мир мертвых и без того звал, а потому шагнуть туда, где оседает, словно опавшие листья на дно водоема, память ушедших, не составляло труда.

Когда декаграмма была завершена, Леона подобрала фонарик, сунула его в карман. Затем поправила платок, разворачивая его так, чтобы закрыть голову, часть лица и оставить только глаза. Протянула вперед руки и, на миг зажмурившись, сдернула в сторону покров реальности — как будто отдернула штору. В лицо повеяло холодом. Совсем не тем, что тянет по ногам, когда сидишь в нетопленной комнате, нет. Это было дыхание меморума, от которого, как по команде, в голову полезли самые черные и неприятные мысли о конечности бытия. Леона отмахнулась от них. Привыкла. А потом, уже смело глядя в образовавшееся мутное пятно, оттолкнулась двумя ногами и прыгнула, как прыгала бы в озеро, чтобы освежиться в жаркий солнечный день.

Ощущения тоже были привычными. Конечно же для некроманта. Как будто ныряешь в остывший кисель, натужно загребаешь руками, молотишь ногами, чтобы двигаться дальше. А передвигаться в киселе тяжело, нужно раз пять взмахнуть руками, оттолкнуться ногами, чтобы продвинуться вперед хотя бы на шаг. Но, поскольку странным образом

в киселе этом можно дышать, практикующему некроманту просто достаточно быть в хорошей форме и усиленно грести руками-ногами, уходя все дальше и дальше от выхода в мир живых, оставляя за собой свет путеводной нити, по которой можно вернуться обратно.

А еще у меморума была очень полезная особенность: компас, заряженный на поиск определенного отпечатка, позволял за очень короткое время перемещаться ближе к объекту поиска. И это было просто здорово, потому что в противном случае Леона могла бы месяцами болтаться в безбрежном меморуме, и все без результата.

Леона плыла сквозь вязкий меморум. Все, что было вокруг, и в самом деле походило на пруд, в который то тут, то там падают листья и медленно, очень неспешно опускаются на дно, временами надолго зависая где-то посередине. Здесь даже встречалось нечто, похожее на коряги или скорее на гигантские коралловые заросли — когда-то у маркиза Риквейла на столе красовались изящные веточки белых кораллов. Только тут кораллы были огромными, уродливыми и черными, да еще покрытыми едва светящейся слизью, к которой иногда прилипали отпечатки — слабо мерцающие, разноцветные. Желтые, зеленые, алые, сиреневые. Этакie полупрозрачные шляпки грибов, парящие в бесцветном киселе, в котором из-за того, что все вокруг светилось, темно не было.

Леона достала из поясной сумки компас. Под стеклом все так же клубился туман, но стоило его взять в руки, как Леону сразу же рвануло куда-то вперед, потом вбок. Она оглянулась: золотистая путеводная нить прочертила пространство меморума зигзагом, ее начало терялось в серой мути, переливающейся редкими сполохами скоплений отпечатков. А компас все никак не успокаивался. Леоне порой казалось, что ею играют чьи-то громадные руки и сама она деревянная игрушечная лодочка, которой туда-сюда елозит по воде ребенок. Впрочем, через пару-тройку виражей ее отпустило, она повисла неподалеку от здоровенной коряги под толстым слоем зеркально-блестящей слизи. Коряга раз-

мерами была как дом, уходила обломками ветвей куда-то вниз, под землю. Хотя Леона точно знала, что никакая это не земля, а просто растворившиеся отпечатки тех, кто умер давным-давно, тех, кто вообще когда-либо жил в этом мире. И вот там-то, в сплетении черных липких ветвей, путеводной звездой вспыхнула мелкая шляпка гриба — тот отпечаток, который Леоне нужно было поймать и доставить заказчице.

— Ну вас, льесс уважаемый, и занесло, — пробормотала Леона, по-прежнему не отрывая глаз от черных щупальцев.

Лезть туда не хотелось. Но вредный отпечаток тоже не желал двигаться в сторону Леоны, и поэтому она, мысленно кряхтя, двинулась вперед, стараясь не касаться гигантского коралла. Не то чтобы он был опасен, но вот эта слизь... Если она пропитает одежду, будешь потом смотреть воспоминания тех, кто жил задолго до того, как мир разломился на ярусы.

— Идите-ка сюда, льесс, — безнадежно сказала Леона, понимая, что дотянуться колбой до отпечатка не получается.

Отпечаток и не думал плыть навстречу. Наоборот, как будто подался еще дальше под защиту коряги. Леона несколько раз взмахнула рукой, разгоняя плывущие мимо отпечатки. Еще раз глянула на плетение черных ветвей и, вздохнув, двинулась вперед, по пути вытаскивая колбу и вынимая из нее пробку.

— Да иди ж ты сюда! — прошипела она, вытягиваясь в струнку.

Ловкое заученное движение рукой — и сияющий отпечаток беспомощно осел на дно колбы. Леона хмыкнула и заткнула горлышко пробкой. Сунула колбу обратно в сумку.

А дальше... Она и сама не поняла, как так получилось. Одно неловкое движение, и черные корявые ветви в слизи оказались угрожающе близко от лица. Леона дернулась в сторону, платок, которым она плотно обмотала голову и шею, сбился набок. И с отвратительным причмокивающим

звучком Леона впечаталась открывшейся щекой во внезапно откуда-то взявшийся рядом блекло-синий отпечаток.

— Ох ты!.. Да твою ж...

Запоздало замахав руками, она разогнала еще парочку парящих рядом грибных шляпок, кое-как выдралась из сплетений черных ветвей. Отчего-то сердце зашло, перед глазами запрыгали пятна. Ну это ж надо, так неудачно. Прямо физиономией — в чужую память.

Леона кое-как снова завязала платок, старательно закрывая лицо. Хотя что уж теперь. Поймала на свою голову. Дрянные сны обеспечены до тех пор, пока все не рассыплется, не просочится на дно меморума.

Вздыхая и ругаясь про себя, она еще повисела в киселе, в материи меморума, а затем дернула за путеводную нить. Ее потащило назад сквозь мглу и буквально через несколько вздохов выплонуло на влажную землю утоптанной площадки. Чувствительно так шмякнуло, даже дыхание вышибло из легких.

Ну что такое-то? Надо было эту Феломену сразу выставить прочь. Уж как-нибудь обошлась бы без ее золота...

Леона посидела немного, переводя дух. Потом достала из сумки флягу, сделала несколько маленьких глотков. Неудачно как-то она сходила в этот раз...

И словно напоминая о себе, пойманный лицом отпечаток моментально впрыснул в сознание толику чужих воспоминаний.

Темный пустырь вдруг куда-то делся, и Леона увидела себя...

В подвале. Точно, она была в подвале. В воздухе плавал такой концентрированный запах горелого мяса, внутренностей и крови, что ее едва не вывернуло наизнанку. Ах да... В руке надушенный платочек, так удобно закрывать им нос. Тогда ничего не чувствуешь. И вот это... То, что раньше было человеком у ног... а на его спине так и вообще отбитое мясо.

«Ты понимаешь, что меня нужно слушаться? — спросила она. — Иначе ты никогда не увидишь свою сестру живой».

Мясо у ног шевельнулось, дернулось, и Леона — или не Леона — увидела лицо, покрытое коркой засохшей крови. Мертвое практически лицо, жили только глаза, страшные, безумные, исполненные тьмы.

«Ты должен любить меня, и у тебя не должно возникать даже мыслей, которые мне не по нраву», — спокойно произнесла она.

И тут Леона не выдержала. Она, снова оказавшись на пустыре, попросту согнулась пополам и вывернула на землю все, что было съедено у Златы. Пирожки. Кофе. Ее рвало так долго, что под конец она отплевывалась желчью, а внутренности все никак не хотели успокаиваться. Потом она просто свалилась на бок и, не выдержав, разрыдалась. Чертова Феломена с ее заказом! А теперь вот, Леона, изволь смотреть на это. И надо же приключиться такому невезению!

Она еще долго сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, шмыгая носом. Сорвала с головы платок и вытиралась им, плевать, что испачкался. А перед глазами стояло это страшное лицо, дикие, совершенно жуткие глаза, наполненные тьмой и ненавистью. И вид ободранной спины... Что должен был сделать человек, что с ним сотворили такое? И кем должна быть обладательница того отпечатка, чтобы все это делать с живым человеком?!

Ответов не было. Оставалось только надеяться, что это уйдет пораньше. Может быть, через недельку. А так — попить снотворного, чтобы ничего не снилось, или если и снилось, чтоб не помнилось.

Кое-как Леона поднялась на ноги, доковыляла до забора, подсвечивая фонариком. Сдвинула доску, вылезла на улицу. В последний миг она увидела, как к ней стремительно метнулась тень, разворачивая, впечатывая лицом в забор так, что доски закрипели. Леона вскрикнула от боли, когда ей резко заломили руку за спину. Потом — короткая вспышка боли, что-то обожгло запястье, разлилось под кожей. И в

тот же миг ее снова развернули, как куклу, горло прижали рукой так, что еще чуть-чуть, и хрящики захрустят...

И Леона в потемках разглядела бледный абрис лица напавшего на нее человека.

Глава 2

ОБОРОТЕНЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

— Почему ты не раздеваешься? Стесняешься?

Девушка развязно хихикнула.

Армана от этого тонкого и скрипучего смешка передернуло. Сидя на краю постели, он с силой провел пальцами по волосам. После вчерашней попойки голова неприятно гудела. Прищурился на окно, залитое солнечным светом. Там, за стеклом, трепетала зеленая листва вперемежку с солнечными зайчиками. Тонкие, легкие как паутинка занавески совершенно не препятствовали тому, чтобы позднее утро просочилось в спальню, залило жарким золотом темную резную мебель, заиграло тысячью искр в позолоте на синих шелковых обоях, осветило смятые простыни и рыжую девушку, вольготно раскинувшуюся в постели.

Самым забавным было то, что Арман понятия не имел, как ее зовут и кто она. Служанка? Куртизанка? Он попытался восстановить события вчерашнего вечера. После очередной аудиенции у королевы, где представлял отчет о текущем состоянии безопасности ее Вечного величества, Арман отправился побродить по городу. Заглянул в ресторан с завлекательной вывеской. И там... Да, там, меж столов, выступала танцовщица — высокая, гибкая, как веточка плакучей ивы. У девушки были черные волосы, они волнами рассыпались по обнаженным плечам. И танцевала она что-то, напоминающее танец древних кочевых племен. Арману показалось, что она до жути похожа на его сестру, только моложе. И такая тоска накатила, что он попросту напился. Набрался так, что даже не сразу сообразил, что пытается знакомиться

с прехорошенькими девицами, одна из которых была огненно-рыжей...

Все-таки куртизанка, решил он. Значит, следовало заплатить и отправить девицу восвояси, даже не спрашивая имени. Герцогу Саторийских земель Арману Линто вовсе не нужно знать, с какой девицей кувыркался полночи.

— Ты не ответил, — напомнила о себе рыжая. — Взрослый такой, а сорочку так и не снял...

Со всем этим надо было кончать. Он поднялся, потирая виски и все еще щурясь на яркий свет, открыл бюро и, достав из ящика несколько ассигнаций, вернулся и бросил их на смятые простыни.

— Одевайся и уходи.

— Эй! — Девица приподнялась на локте. — Не очень-то учтиво! Могу я хоть имя твое узнать, стесняшка?

Арман смотрел на нее исключительно с академическим интересом, как разглядывал бы сквозь увеличительное стекло занятого жучка.

— Арман Линто, герцог Саторийский, — назвалса он, отметив, что девица в его постели несколько побледнела.

— Черти и проклятые Тени, — выдохнула она, — оборотень!

Стремительно вскочила с кровати и принялась собирать разбросанную по полу одежду, время от времени бросая на Армана опасливые взгляды. А он, как был, в одной короткой сорочке, уселся в кресло, положил ноги на бархатную банкетку и наблюдал, как его дама торопливо натягивает чулки, кое-как зашнуровывает корсет...

— Деньги не забудь, — процедил он.

— А? — обернулась девица, тряхнула рыжей гривой, видимо даже не сразу сообразив, о чем идет речь.

Но затем вернулась к кровати, почему-то на цыпочках, сгребла купюры и попятилась обратно, словно боялась повернуться спиной.

Хлопнула дверь. Арман откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Иногда очень удобно, когда тебя боятся. Ее

величество умело использует своего верного оборотня, чтобы дрожали остальные. Только мало кто знает, что точно так же дрожит сам Арман перед королевой, потому что она — единственное звено, связующее его с сестрой. Да-да, так похожей на него, черноволосой, которую он и видеть-то может исключительно через магвизор. И никто, никто — ни во дворце, ни на королевском ярусе не знает, где на самом деле Витта. Знает только королева. Сам Арман как-то попытался разузнать и с тех пор никогда не раздевается при посторонних.

Сидеть с закрытыми глазами было приятно, но что-то стукнуло в стекло, затем еще раз и еще... Он поднялся, раздвинул занавески. В окно бился крошечный плантос, выращенный в виде шмеля. Под ребрами кольнуло нехорошее предчувствие: такие маленькие плантосы разносили секретные депеши. И если кто-то прислал плантоса самому Арману Линто, дела плохи.

Он дернул щеколду, распахивая окно, и плантос — теплый, шершавый, с прозрачными крылышками тут же упал в раскрытую ладонь. К брюшку его, свитому из тончайших зеленых ростков, в самом деле была прикреплена узкая полоса бумаги, свернутая в трубочку. Арман поддел ногтем зажим, извлек послание, а затем, посадив плантоса на бюро, прочел:

«Срочно во дворец. Чрезвычайная ситуация. Меркл».

Предчувствие уже не просто кололо. Оно разливалось душным маревом по спальне, сдавливало горло. Да что там такое приключилось? И почему плантоса послал смотритель Оракула, а не королева? Ведь только королева отдает указания своему первому советнику.

Выругавшись, Арман подергал шнур для вызова прислуги и принялся торопливо натягивать нижнее белье. Через несколько минут явилась служанка, а с ней его личный секретарь, почтенный льесс Брант.

— Мири, принеси мне свежую рубашку. И мундир. Во дворец полечу. — Арман сыпал указаниями, почти не думая. — Брант, принеси мне модификаторы... даже не знаю... менталиста. И прикажи, чтоб разбудили Рекко.

Брант был степенным мужем весьма зрелых лет, лысоватым, седоватым, с небольшим пузцом, но в целом совершенно незапоминающейся внешности. Он и бровью не повел, глядя на растрепанного и взъерошенного начальника. Арман иногда подозревал, что льесс Брант не изменился бы в лице, даже если он, Арман, голым бы сплясал на столе.

— Что-то произошло, льесс? — только и спросил секретарь.

— Я не знаю, Меркл вызывает во дворец. — Арман пожал плечами. — Что там могло произойти?

— Модификаторы менталиста, все понял, — бесстрастно повторил Брант. — Сейчас будут, льесс.

А Мири уже несла и черный мундир с тройным золотым шнуром, и белоснежную сорочку, и шелковый шейный платок, и высокие сапоги. Пока Арман облачался, вернулся Брант, неся на расписном подносике стакан воды и несколько маленьких, с ноготь мизинца, ярко-зеленых пилюль. Арман сгреб их, сунул в рот, не глядя, раскусил и запил водой. Мысленно досчитал до десяти. В этот миг комната дернулась, слегка накренилась, а потом снова заняла исходную позицию.

«Ну, вот ты и менталист», — горько подумал Арман.

Королева ценила его за то, что он был оборотнем и под воздействием модификаторов мог реализовать практически любой магический дар. Вот и получалось, что, имея свой собственный дар — дар Жизни, — Арман был, как говорится, на все руки мастер и полностью во власти королевы.

А попытка узнать, где находится сестра, с треском провалилась только потому, что королева сама была сильнейшим менталистом и вовремя смогла считать намерения самого Армана, когда тот собирался принять модификаторы и порываться в голову у самой королевы. После той дивной ночи он больше никогда ничего такого не предпринимал. Ее величество умела ломать людей. И заставить себя любить тоже умела.

Вниз он уже бежал, перепрыгивая через ступеньки. В холле свернул к черному ходу, миновал узкий коридор и, распахнув дверь, вывалился в благоуханный сад. Глубоко вдохнул свежий ветер, напоенный ароматом цветов, и поспешил дальше по широкой, усыпанной желтым ракушечником дорожке. Рекко уже выводили из стойла, он рыл острым копытом землю и, распахнув крылья с прозрачными перепонками, разминал их, ненароком стряхивая с ближайшей акации листву. Несмотря на общую нервозность ситуации, Арман с удовольствием отметил, как за ночь Рекко позеленел, весь оброс крошечными изумрудными листочками. Только вчера был шершавый, тонкие прутики глянцево блестяли на солнце, а за ночь шкурой оброс. Это было хорошо, значит, плантосу всего хватало — и магии, которой он питался от хозяина, и солнца, и воды, и чернозема, который насыпали в стойло и использовали как подстилку.

Арман подхватил поводья, взлетел в седло. И, не удержавшись, погладил зеленую шкуру своего плантоса. Крошечные листочки были мягкими, прохладными и даже немножко липкими. Такими, какими они бывают по весне.

Почувствовав прикосновение сознания плантоса, Арман отдал мысленную команду, и Рекко взял с места в галоп, к услужливо распахнутым воротам.

Стоило шагнуть под своды дворца, как невидимое, но почти осязаемое напряжение схватило Армана в плотный кокон. Слишком здесь было тихо. Слишком пусто. И чересчур много гвардейцев у всех входов и выходов. Арману даже преградил дорогу какой-то совсем молоденький парнишка, но на него тут же шикнул старший напарник и Арман прошел дальше, сквозь анфиладу залов, прикидывая, где искать старого Меркла, главного механика Оракула и его бессменного смотрителя.

— Льесс Линто! — окликнул его кто-то за спиной.

Арман остановился, окинул взглядом запыхавшегося и почему-то бледного второго советника ее величества. Да что

такое приключилось? Мар Сильен так гордился идеальной укладкой седоватых кудрей, безупречно повязанным галстуком... А сейчас растрепан, космы на глаза падают, весь потный.

— Льесс Линто! — Сильен подбежал, топоча кожаными каблуками по паркету. — Идемте, скорее, Меркл ждет. Надо что-то делать, пока новость не разлетелась за пределами дворца.

— Да что случилось-то?

И тут Арман пожалел, что модификаторы он принял, а вот никаких вспомогательных средств менталиста не прихватил. Тогда не нужно было задавать вопросов, влез бы в голову Сильену — и готово.

В этот миг второй советник что есть силы вцепился в руку Армана, приподнялся на цыпочках и шепнул на ухо:

— Ее величество умерла.

Прежде Арман даже предположить не мог, что три столь простых слова вызовут самый настоящий взрыв чистой детской радости в груди. Ха! Старая паучиха сдохла! Туда ей и дорога.

И тут же одернул себя. Новая-то будет такой же. Разве что менталистом не будет, потому что отпечаток — это всего лишь память. А вот наличие дара — это уже особенность той куколки, которую выберет Оракул.

— И что? — спросил он Сильена, глянув в его блеклые, чуть навывкате, глазки. — Она была немолода. Можно подумать, в первый раз.

— Идемте, — мрачно проскрипел советник и потянул Армана вперед.

На ходу тихо говорил:

— Видите ли, льесс Линто, разумеется, все это не в первый раз, и мы-то с вами уверены, что Вечная королева — залог благоденствия этих несчастных расколотых и расслоившихся земель. Уверены, что Оракул, как и встарь, подхватит отпечаток королевы и будет его хранить до тех пор, пока не будет вычищена выбранная им куколка. Оракул — вот наше

слабое звено. Мы привыкли думать, что система из Оракула, королевы и куколок непогрешима и устойчива и что ничего дурного не случится. Но вот беда-то...

Арман резко выдернул руку, прошипел:

— Что за бред вы несете? Ну да, куколки, Оракул выбирает королеву — вернее, тело, которое он же вычистит и начинит королевским отпечатком. Не в первый раз, так?

— Оракул сломали, — свистящим шепотом сообщил Сильен, — а королеву убили.

— Твою мать, — пробормотал Арман. Иных выражений на ум не пришло.

Он на миг закрыл глаза. Ему просто необходимо было вот так, молча, разобраться в себе. С одной стороны, он и помыслить не мог, что когда-нибудь старая гадина сдохнет окончательно. С другой стороны... Он вспомнил. Вспомнил, как королева смотрела на него темными запавшими глазами, улыбалась, демонстрируя отсутствие передних зубов. Поэтому она не говорила — шипела, словно змея.

«Помни, мальчик. Я — единственное, что связывает тебя с сестрой. Не станет меня — через десять дней не станет и ее. Так что в твоих интересах меня любить, так сильно, как мог бы любить свою матушку. Нет, пожалуй, даже больше. Сыновья уходят от матерей, ты же останешься со мной навсегда».

— Твою ж... — растерянно повторил Арман.

Королеву убили. Оракул сломали. Цепь перерождений прервалась. И его несчастная Витта... Значило ли это, что ей осталось жить десять дней?

— Проклятая сука, — в сердцах бросил он.

— Что, простите?

Арман опомнился. Он все-таки был во дворце, рядом стоял второй советник, вокруг — гвардейцы. Никто не знает, что королева держала оборотня на коротком поводке, никто не знал, что все ужасные вещи, что ему приписывали, он делал, только чтобы вновь увидеть сестру живой сквозь мутноватую линзу магвизора. Даже умереть он не мог, потому что тогда Витту тоже бы убили. А теперь что делать?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Леди некромант	9
<i>Глава 2.</i> Оборотень ее величества	25
<i>Глава 3.</i> В Тени	55
<i>Глава 4.</i> Два тайных плантоса	80
<i>Глава 5.</i> Ненужная свобода	102
<i>Глава 6.</i> Дворец Вечной королевы	136
<i>Глава 7.</i> Оракул выбирает королеву	154
<i>Глава 8.</i> Цветы Жизни	180
<i>Глава 9.</i> Когда корона мешает	198
<i>Глава 10.</i> Незапланированный побег	218
<i>Глава 11.</i> Потеряшка	231
<i>Глава 12.</i> Снова Люций	252
<i>Эпилог</i>	271